

ФУНДАМЕНТ ПОЗНАНИЯ

О КУРСЕ «ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ» ДЛЯ АСПИРАНТОВ

Валентин АКУЛОВ,
доктор философских
наук, профессор

Помнится, на исходе прошлого столетия в России был поднят вопрос о том, чтобы исключить философию из программы подготовки аспирантов. И каким же гневом взорвался российский философский бомонд! А почему, собственно? Разве не он, этот бомонд, все предыдущие годы уверял общественность, что философия – не наука? Но коль скоро это так, то по какому праву она занимает место не только в программе подготовки аспирантов, но и в вузовской программе вообще?

НЕУМЕСТНОЕ НОВАТОРСТВО

Существуют три способа (если не считать сушедший в историческое небытие мифологический) духовного освоения человеком мира: научный, художественный и религиозный. И если философия не наука, а к искусству причислить ее было бы более чем мудро, то остается одно: рассматривать как одну из религиозных конфессий. Но тогда и возникает законный вопрос: не чужое ли место она занимает в системе научного образования? Почему в вузах не читается курс богословия, а в перечне ученых степеней и званий не числятся степени кандидата и доктора богословских наук? Как того, между прочим, уже и требуют некоторые чиновники от церкви? И требуют, надо признать, на полном логическом и юридическом основании: если ученые степени кандидата и доктора наук присваиваются за ненаучную философскую деятельность, то почему не присваиваются за заслуги в области догматического богословия, патристики и т. д.? Элементарная справедливость требует: либо пойти навстречу этим пожеланиям, либо лишить любомудров, отрицающих научный статус философии, незаконно присвоенных им ученых степеней и званий, предложив работу, не связанную с интеллектуальным трудом. По причине отсутствия того качества, которое Кант называл «способностью суждения».

В России пошли по иному пути: ввели для аспирантов курс «История и философия науки», возложив его чтение на философов, которые, по их же собственному признанию, не имеют решительно никакого отношения ни к

науке, ни к ее истории. У нас в Беларуси, столкнувшись с подобной проблемой, ввели курс «Философия и методология науки». Против этого нечего было бы возразить, если бы не более чем сомнительная форма, которую ему придали, разделив на две части: философию науки и методологию науки. Позволительно было бы спросить: что это за зверь такой – философия науки? По своему теоретическому содержанию, а точнее, по своей теоретической бессодержательности «философия науки» смело может конкурировать с такими кентаврами, как «философские вопросы физики», «философские вопросы экологии» и прочими подобного рода продуктами праздного ума. Если это вопросы физики, то почему они «философские»? Если философские, то почему вопросы «физики»? Такими «вопросами» наши любомудры не утруждают себя. Если сама философия не является наукой, то по какому праву она будет судить о науке? И что даже не дельного, а просто вразумительного она может в этом случае сказать? Да, существуют общетеоретические проблемы организации науки и научного творчества, но они находятся в компетенции науковедения и в дилетантских услугах философии не нуждаются. И в таких общенаучных методах исследования, как эксперимент, наблюдение, формализация, моделирование и другие (их правильнее было бы назвать методическими приемами), ученые разбираются не хуже философов. Хотя бы потому, что для них это обычная, чуть ли не повседневная практика, а философы знают о них, как правило, лишь понаслышке. Учить физика тому, что такое эксперимент и как его

ставить, или биолога, как вести наблюдение, значит, кроме уже вышеуказанного дефицита «способности суждения», демонстрировать и полное отсутствие чувства юмора. Впрочем, ситуация ординарная. Что делает преподаватель вуза, которому не задался его предмет? Правильно, переключается на методику его преподавания. И, обзаведясь соответствующей ученой степенью, начинает поучать других, как надо преподавать физику, биологию, иностранный язык и т. д.

Значит ли все сказанное, что курс философии аспирантам не нужен? Напротив, он крайне необходим, ибо решает задачу, которую не в состоянии решить никакая другая система знания: вооружает будущего специалиста логикой научного мышления. Но эту свою общеметодологическую (логическую) функцию философия в состоянии выполнять только будучи наукой, а не тем бессистемным конгломератом всякого рода проблем и псевдопроблем, в который превратили ее не по разуму ретивые новаторы, озабоченные тем, чтобы не отстать от последней философической моды – герменевтики, структурализма, модернизма, постмодернизма и иных «измов».

Поскольку положение о том, что философия не наука, обрело уже прочность предрассудка, есть прямая необходимость и начать с критического анализа тех претензий, которые к ней предъявляют.

Претензия, по сути, одна: мир в целом не может быть предметом научного познания. «В практической деятельности, – говорят нам, – человек никогда не имеет дела со всей бесконечной материей (материей вообще), а лишь с более или менее ограниченной ее частью – материальным объектом» [1. с. 14]. Но именно потому философия, ставящая своей целью дать картину мира в целом, и не может претендовать на статус науки. Авторы цитируемого двухтомного фолианта, носящего по какому-то странному недоразумению название «Материалистическая диалектика», даже не замечают, что ставят вопрос в такой форме значит исключить возможность не только философии, но и науки вообще. Ибо любая наука в этом смысле сталкивается с невозможностью полностью обозреть предмет своего исследования. Ботаника, конечно же, не наблюдала все лютики, что не мешает ей, од-

нако, утверждать, какое количество пестиков и тычинок имеет лютик вообще. И физика не лицемерла все электроны (электрон вообще невозможно видеть непосредственно), но при этом нисколько не сомневается в том, какой набор четырех квантовых чисел он содержит. Суровые и неподкупные критики научного статуса философии не совсем четко представляют себе, что такое наука и каковы закономерности ее развития. Так вот, согласно современным научным представлениям, ни одна фундаментальная научная теория не может быть непосредственно ни выведена из эмпирических фактов, ни подтверждена ими. Обстоятельство это и диктует науке логику развития. В основу любой своей фундаментальной теории она кладет некие исходные идеи (принципы), которые берутся априори. И далее с помощью логической дедукции выводит все необходимо вытекающие из них следствия, развертывая эти принципы в целостную систему теоретического знания. «Законченная система теоретической физики, – писал по этому поводу Эйнштейн, – состоит из понятий, основных принципов, относящихся к этим понятиям, и следствий, выведенных из них путем логической дедукции...» [2, с. 62]. Способность науки создать непротиворечивую систему знания, объяснить в рамках этой системы все относящиеся к предмету ее исследования явления рассматриваются наукой как свидетельство истинности и самой системы, и положенных в ее основание принципов.

Указанная закономерность нашла свое отражение в физическом принципе принципиальной наблюдаемости. Согласно ему теория, претендующая на научность, обязана объяснить все явления, входящие в ее предмет. Если же по отношению к каким-то из них она сделать это не в состоянии, то должна признать, что в рамках ее системы данные явления «принципиально ненаблюдаемы», то есть объяснены быть не могут. В этом смысле Эйнштейн и писал: «Можно ли наблюдать данное явление или нет, зависит от теории. Именно теория должна установить, что можно наблюдать, а что нельзя» [цит. по: 3, с. 85]. Ненаблюдаемость тех или иных явлений в той или иной системе знания не является свидетельством ее неистинности,

АКУЛОВ

Валентин Леонидович.

Окончил Кишиневский государственный университет. Трудовую деятельность начал в 1959 году учителем. Работал в вузах Молдавии и Краснодарского края.

С 1972 года на партийной работе: заведующий лекторской группой, заместитель заведующего отделом Краснодарского крайкома КПСС.

С 1979 года работает в Минском государственном лингвистическом университете: доцент, заведующий кафедрой.

В настоящее время – профессор кафедры философии МГЛУ.

Доктор философских наук. Автор монографий: «Философия, ее предмет, структура и место в системе наук», «Диалектический материализм как система», «Материалистический монизм: сущность и методологическое значение», курса лекций «Основы философии» и др.

а говорит лишь о ее ограниченности. Так, законы релятивистской физики «ненаблюдаемы» в системе физики Ньютона (классической физики). Однако релятивистская физика не отрицает предметной истинности последней. Она лишь налагает на нее ограничения, указывая на те условия, при которых ее законы сохраняют свою силу. Иначе говоря, принцип принципиальной наблюдаемости не предполагает визуальной наблюдаемости, как его зачастую трактуют. Его методологическое значение и эвристические возможности заключаются в том, что он позволяет выявить ограниченность любой системы научного знания, стимулируя тем самым процесс дальнейшего познания.

Априорность принципов науки, о которых идет речь, вовсе не означает, что они берутся с потолка или высасываются из пальца. Напротив, они имеют серьезное и эмпирическое, и теоретическое основание, выступая результатом движения мысли от чувственно-конкретного к абстрактному. В этих пределах правота в известной полемике Эйнштейна с Бором была на стороне Бора, требовавшего эмпирического подтверждения теории.

Все дело в том, однако, что процесс познания не есть линейный процесс бесконечного движения мысли от конкретного к абстрактному. Он заключает в себе и движение в обратную сторону. И именно на пути движения мысли от абстрактного к конкретному познание всякий раз обнаруживает свою неполноту, вступает в противоречие с новыми данными, накопленными в его ходе. Разрешение и постоянное воспроизведение этого противоречия и есть самый глубинный источник развития науки, есть сам процесс научного познания.

В этих пределах правота в споре с Бором была на стороне Эйнштейна, требовавшего полноты и непротиворечивости теории. Впрочем, задолго до того, как эта закономерность познания попала в поле зрения физиков, на нее указал Гегель. «Всякая наука, – писал он, – есть в самом себе круговорот, в котором первое становится также и последним, а последнее – также и первым» [4, с. 128].

Как видим, никакой принципиальной разницы между тем, как строит свою систему философия (разумеется, если это философия, а не те попури на всевозможные сюжеты, которые под ее именем заполняют страницы учебников и диссертационных работ), и как строят их теоретические науки, нет. Различие, конечно, есть, но оно не затрагивает сути дела, а потому и не дает решительно никаких оснований для противопоставления философии науке.

В чем состоит органический порок этого противопоставления? Коротко можно было бы сказать так: в хроническом непонимании диалектики при ритуальном поклонении ей. В данном конкретном случае – в непонимании реальной диалектики единичного и общего, части и целого, идущем от французского материализма XVIII века. С этой точки зрения всей полнотой бытия обладает лишь единичное. Оно есть некая «самость», которую можно пощупать, понюхать, лицезреть. Общее такой полнотой бытия не обладает, поскольку существует только в единичном и через единичное. Как следствие, процесс познания предстает в этом случае как процесс бесконечного восхождения от знания единичного к знанию общего, от знания общего к знанию еще более общего и так далее – к знанию всеобщего, которое и есть некий «инвариант» единичных чувственных вещей. Понятие материи, по этой логике, «образуется в результате обобщения различных материальных объектов» [1, с. 14]. Поскольку же этот процесс обобщения уходит в «дурную бесконечность» (Гегель), то мы имеем фактически дело не с материей (материей вообще), а с «материальным объектом».

Однако только на первый и самый поверхностный взгляд может предстать, что единичное есть нечто более реальное, нежели общее, что оно несет свою определенность в себе, так что лежащее за его границей есть нечто безразличное по отношению к нему. На самом же деле никакой полнотой бытия единичное не обладает, ибо оно есть лишь постольку нечто, поскольку есть «другое», в котором и через которое положена его граница. Этим другим и является общее. В этом легко убедиться на элементарном примере. Вы ничего не смогли бы сказать о челове-

ке – умен он или глуп, красив или безобразен, добр или зол, высок или низок, брюнет или блондин, – если бы не существовали другие люди, в которых и через которые обнаруживается его уникальность и неповторимость (единичность). А это означает, что единичное и общее относятся не к содержанию сущего, не к содержанию того, что существует, а к содержанию способа бытия сущего, того, как это сущее существует. Бытие единичного – такая же логическая абстракция, как и бытие общего. И в то же время бытие общего столь же реально, как и бытие единичного. Иначе и строже говоря, взятые в их разделенности, и единичное как таковое, и общее как таковое суть создания чистой мысли. Их реальность – в тождестве того и другого. В этом своем содержании они выступают формой противоречивости материи, способом, каким материя (сущее, мир) существует. Эта диалектика, оказавшаяся выше уровня понимания авторов двухтомной «Материалистической диалектики», находит все большее признание у представителей частнонаучного знания. Вот что пишет, например, М.А. Марков: «Согласно современному пониманию структуры элементарных частиц, единичное – данная элементарная частица – немислима без всех родов элементарных частиц. В конкретной ли форме «бутстрапа» или в какой-то аналогичной форме, но в этом смысле единство отдельного и общего должно неизбежно реализоваться в будущей теории» [5, с. 146].

Если взять рассматриваемую проблему в гносеологическом аспекте, то неудовлетворительность решения проблемы связи единичного и общего критиками научного статуса философии станет еще более наглядной. Существует, как известно, логический закон обратной зависимости объема и содержания понятия: чем шире первый, тем беднее второе. И если процесс познания идет по указанной выше схеме (от знания единичного – к знанию общего, от знания общего – к знанию еще более общего и так далее), то конечным итогом этого процесса может быть только бессодержательная абстракция. Хорош идеал познавательной деятельности, не правда ли? К счастью, это не так. Если единичное и общее – одна из форм противоречивости материи, то и познание как ее отражение может осуществляться в столь

же противоречивой форме: противоречивости бытия должна соответствовать противоречивость его познания. А это значит, что познание имеет дело и не с единичным как таковым, и не с общим как таковым, но и с тем и с другим одновременно.

Нельзя, познавая единичное, не познавать общее и наоборот. Но именно потому мышление на пути своего движения к истине имеет своим результатом не тощие абстракции, а абстракции, воплощающие в себе все многообразие мира – бесконечного и вечного. Такая абстракция в диалектической логике носит название конкретно-общего.

В аналогичном соотношении находятся и категории части и целого. Часть существует только в системе целого, как часть именно данного целого, а потому и познана может быть лишь в системе целого, как часть именно данного целого. И в то же время целое существует только через свои части и, следовательно, познано может быть только через них. «В отношении между целым и частями, – справедливо говорит Гегель, – обе стороны суть самостоятельности, но так, что каждая отвечает в другой и в то же время дана как тождество обеих» [6, с. 128]. Если согласиться с тем, что знание части ни в коей мере не дает нам знания целого, то следует признать и другое: вне знания целого нет и знания части. На самом же деле это, конечно, не так. Именно потому, что часть существует в системе целого, как часть целого, а целое, в свою очередь, – через свои части, мы имеем возможность идти от знания части к знанию целого и наоборот. Формально-логическим выражением этой закономерности и являются, между прочим, индуктивный и дедуктивный пути движения мысли. В назидание специалистам по «Материалистической диалектике» отмечу в заключение, что если к пониманию диалектики единичного и общего частная наука подходит лишь сегодня, то диалектика части и целого была известна ей триста лет тому назад. По крайней мере, П. Паскалю. Вот что он писал: «Нельзя познать части без познания целого, равно как и познать целое без подробного ознакомления с частями» [7, с. 19]. На этом позволю себе поставить точку.

ДИСКРЕДИТАЦИЯ КАК ПОБОЧНЫЙ ЭФФЕКТ

Теперь, когда справедливость восстановлена и философии возвращено доброе имя науки, которого ее лишили дилетанты и конъюнктурщики, необходимо решить другую задачу: определить место, которое она занимает в системе научного знания, духовной культуры вообще.

Любая наука может и должна быть рассмотрена с двух сторон: со стороны своего содержания и со стороны своих функций.

Содержание характеризует науку со стороны ее предмета, то есть той сферы или того среза реальности, которые нашли в ней свое идеальное отражение. Функции характеризуют науку со стороны той роли, которую она играет в развитии научного знания и практической жизнедеятельности общественного человека. Ближайшая наша задача будет заключаться, таким образом, в том, чтобы определить, во-первых, предметную область, находящуюся исключительно в компетенции философии, во-вторых, указать на те функции, которые, кроме философии, никакая другая наука выполнять не в состоянии. Это тем более необходимо, учитывая, что в нашем философском хозяйстве и здесь царит полнейший Вавилон. Границы философии размыты. Она занимается всем, а потому, в сущности, ничем. Философия выродилась в какое-то интеллектуальное шаманство. И это интеллектуальное шаманство, игра в терминологические пустышки получила пышное название «рефлектирование над основаниями культуры». Достаточно просмотреть тематику защищенных в последние годы кандидатских и докторских диссертаций по философии. Львиная их доля не имеет к философии ни малейшего отношения. Или возьмите так называемую «философскую антропологию», которая прочно оккупировала весьма значительную часть вузовского философского курса. Есть критерий, столь же простой, сколь и надежный, с помощью которого можно определить, нужна или не нужна та или иная система знания: содержит ли она информацию, которая являлась бы итогом ее собственных творческих

усилий? Увы, вся эта «философская антропология» и разные прочие «философские вопросы» представляют собой не более чем пересказ, сплошь и рядом дилетантский, а потому нестрогий и поверхностный, того, что науке давно известно. В Минском государственном лингвистическом университете умудрились ввести даже курс «философии образования». Никакая философия в нем, конечно, и не ночевала. Но зато как умно и, главное, новаторски звучит! Происходит элементарное паразитирование на результатах чужого труда или, если угодно, спекуляция этими результатами. Философия превращена в особую сферу посреднического «бизнеса». То же следует сказать и о функциях философии. Каких только функций на нее ни взвалили! Конечно, она выполняет множество функций, вплоть до гедонистической, поскольку находятся чудачки, которые способны получать удовольствие от занятий философией. Но все эти функции философия делит с другими науками, а потому они не составляют ее специфики. Собственно философских функций две: мировоззренческая и общеметодологическая (логическая).

Какова реальная взаимосвязь между содержанием науки и ее функциями? Содержание науки – это ее принципы, законы и категории, образующие в своей совокупности некое единое целое, некую систему. Указанные принципы, категории и законы суть отражение свойств и отношений природного и социального бытия. Образуя известную целостность, содержание науки относительно автономно в общей системе научного знания и определяется предметом отражения. В отличие от содержания с его относительной автономностью функция существует не иначе как в системе, являя собой форму связи системы и образующих ее элементов. При этом каждый из элементов выполняет определенную роль в процессе функционирования системы как единого целого. Если содержание науки определяется предметом исследования, то функции определяются содержанием науки и связаны с ее предметом лишь опосредованно. Мы имеем здесь, таким образом, глубокую диалектическую взаимосвязь между содержанием и функциями науки, выражающуюся как в их тождестве, так и в различии. Они тождественны, ибо функция не есть нечто внешнее

по отношению к содержанию науки. Это то же содержание, только взятое с его инструментальной стороны. Они различны, как различны, скажем, сердце и процесс кровообращения, функцией которого кровообращение является. Непонимание этой диалектики и приводит к двум теоретическим издержкам: либо к их абсолютному отождествлению, либо к отрыву и противопоставлению. Например, вопрос о том, является ли философия наукой или мировоззрением, сформулирован некорректно, недиалектически, ненаучно. Философия – это наука, исследующая мир со стороны его сущности и всеобщих законов существования и развития. И именно в этом и только в этом своем содержании она в состоянии выполнять мировоззренческую функцию, то есть вооружать человека целостным представлением о мире и тем ориентировать его поведение в нем. В зависимости от того, как человек смотрит на мир, формируется и его отношение к этому миру. Философия, таким образом, не система знания об отношении человека к миру, как утверждают наши учебники. Это система знания о мире как таковом, предопределяющая отношение человека к нему.

То же следует сказать и о методологической функции философии. Как всеобщая методология (логика) научного исследования, философия не есть нечто отличное от своего содержания. Это – то же содержание, только переведенное в план практического действия. Однако, выполняя функцию всеобщего метода исследования, философия не растворяется в этом исследовании. Она, напротив, продолжает оставаться сама собой, сохраняя и свой особый предмет, и свое, ей лишь свойственное содержание. Вот эту истину и не в состоянии осилить люди, тиражирующие всякого рода «философии». Из того факта, что философия является методом исследования и для физика, и для экономиста, и для языковеда, и других, делается вывод, что философия и должна быть этим исследованием, то есть заниматься и физикой, и математикой, и языкознанием и так далее под грифом «философских вопросов». Пора наконец усвоить: философия обращена к частной науке лишь своей функциональной стороной – мировоззренческой и общеметодологической (логической). А это значит, что в ее задачу вовсе не входит решение проблем,

входящих в компетенцию частных наук. Прокру от такого вторжения в чужой монастырь немного будет, что и демонстрируют со всей очевидностью все эти «философские антропологии» и «философские натурологии». А вот вооружить представителей частной науки, работников культуры, государственных и общественных деятелей методологией научного анализа встающих перед ними проблем – прямой профессиональный долг философа. Не жуя и пережевывая в тысячу первый раз «способы, приемы и формы исследования», как это предлагает ныне действующая программа «Философия и методология науки», а вырабатывая у них навыки владения категориальным аппаратом философии, который, по глубокому замечанию Гегеля, и есть «душа всякого научного развертывания мысли» [8. с. 135].

Почему только философия в состоянии выполнять общеметодологическую (логическую) функцию и почему эту функцию выполняет ее категориальный аппарат? Чтобы понять это, необходимо совершить экскурс в историю.

Ближайшей целью познания является истина, без которой невозможна никакая продуктивная человеческая деятельность, а следовательно, и существование самого человечества.

Со времен Аристотеля, впервые, пожалуй, поставившего теоретически этот вопрос, под истиной понимается соответствие нашего знания объекту отражения. Но почему человеческое мышление в состоянии обеспечить это соответствие? Первым, кто задался этим вопросом, был Лейбниц. И он пришел к выводу, что между законами, по которым развивается мир, и законами, по которым функционирует наше мышление, изначально существует «предустановленная гармония». Это тождество законов бытия и законов мышления и обеспечивает адекватность нашего знания отражаемому в нем миру. Однако ближайший анализ показывает, что это не решение, а только видимость. Если бы такое тождество бытия и мышления существовало, процесс познания был бы не то что бессмысленным, а просто невозможным. Если законы бытия уже составляют содержание нашего мышления,

то что, собственно, познавать и с какой целью? Это понял Кант. В отличие от Лейбница Кант утверждает, что законы мышления – это имманентно присущие ему законы, не имеющие никакого отношения к мыслимому миру. Поэтому наше знание имеет двойную детерминацию. Оно представляет собой синтез чувственного опыта и этих чистых, не отягощенных предметным миром мыслительных форм. Мир, данный нашей чувственности, составляет содержание нашего мышления. Формы мышления даны априори. Чувства без разума – слепы, разум без чувств – пуст. Только их синтез дает знание. Таково гносеологическое кредо Канта. Однако, находясь на этой позиции, он необходимо приходит к выводу, что мы знаем мир не таким, каким он существует сам по себе, а таким, каким мы его мыслим, то есть в переводе на язык нашей познавательной способности. Мы оказываемся между Сциллой «предустановленной гармонии» Лейбница, исключаящей самую возможность познания, и априоризмом Канта, делающим мир, в сущности, непознаваемым. Дилемма эта и была разрешена Гегелем, синтезировавшим обе эти позиции, освободив их от односторонности. Централь-

ный принцип гегелевской философии – принцип тождества бытия и мышления. Но это тождество, в отличие от «предустановленной гармонии» Лейбница, мыслится Гегелем диалектически – как тождество противоречивое, имеющее необходимой своей стороной различие. В переводе на язык материализма позиция Гегеля может быть представлена следующим образом. Законы бытия и мышления и тождественны, и различны. Они тождественны, ибо никаких законов, присущих мышлению априори, вопреки Канту, нет. Это те же законы бытия, отраженные в мышлении и превращенные в законы его функционирования. В этих пределах они совпадают. Они различны, ибо процесс познания – исторический процесс, а потому наше мышление всегда ограничено. В этих пределах законы бытия и законы мышления не совпадают. Мы умны в той мере, в какой познали законы бытия, и глупы в той мере, в какой не познали их. Эта противоречивость законов бытия и мышления, выражающаяся в том, что они и совпадают, и не совпадают, и служит основой процесса познания, а он есть процесс разрешения этого вечно воспроизводимого противоречия.

Подведем некоторые итоги.

1. Из того факта, что формы и законы мышления являют собой продукт исторического развития познания, следует, что искусство мыслить, а тем более мыслить на научном уровне, не дано человеку изначально, ему необходимо учиться.
2. Поскольку метод – та же теория, взятая с инструментальной стороны, то есть обращенная к практике исследования, постольку любой науке свойственна своя собственная методология, определяемая ее предметом и содержанием. Эту функцию метода выполняют ее категории и законы. В этом смысле любая наука есть «прикладная логика» (Гегель).
3. Категории и законы философии, будучи отражением всеобщих свойств и отношений, то есть свойств и отношений, присущих любой материальной системе, выполняют общеметодологическую функцию, являются логикой всякого научного мышления. Совершенно очевидно, что никакая иная система знания эту функцию выполнять не может.
4. Философия не навязывает своего метода частным наукам. Он декретируется их собственным предметом исследования. Ибо, чтобы мыслить адекватно природе своего предмета (обладающего всеобщими свойствами и включенного в систему всеобщих отношений), ученый должен мыслить не только по законам своей «прикладной логики», но и по законам всеобщей логики, каковыми являются логика формальная (традиционная) и категориальная (диалектическая).
5. Содержанием курса «Философия и методология науки» и должны стать категории и законы философии, взятые под углом зрения методологической функции. Это должен быть курс не философии и методологии науки, а курс философии как методологии науки. При этом он должен быть максимально адаптирован применительно к специализации аспирантов.
6. В том виде, в каком он рекомендован, курс «Философия и методология науки» совершенно бесполезен и только дискредитирует и философию, и методологию. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалистическая диалектика. Под ред. Константинова Ф.В. и Марахова В.Г. – М., 1981. – Т. 2. – С. 14.
2. Эйнштейн, А. Физика и реальность. – М., 1965.
3. Омеляновский, М.Э. Диалектика в современной физике. – М., 1973.
4. Гегель, Г. Наука логики. – М., 1970. – Т. 1.
5. Марков, М.А. О природе материи. – М., 1976.
6. Гегель, Г. Энциклопедия философских наук. – М., 1975. – Т. 3.
7. Паскаль, П. Мысли о религии. Изд. 2-е. – М., 1902.
8. Гегель, Г. Соч. – М.-Л., 1930. – Т. 1.